

ИСТОРИИ РЯДОВОЙ

Сидоровский А.

Е Е ПРИЗВАНИЕ — делать добро... Например, из телефонного разговора случайно узнала, что заболел один знакомый, а нужного лекарства в доме нет. Успокоила:

— У меня есть, сейчас привезу! — Людмила Михайловна, голубушка, спасибо, но вполне можно потерпеть до утра — час поздний, путь дальний, куда вы в такую темень!

— Ну и что — для меня же всегда темень...

Уже полвека она ничего не видит...

ОТЕЦ ЗВАЛ ее Лялькой. Статный красавец с лихом торчащими усами, Михаил Гальчинский до революции служил в гусарском полку, а после Октября сразу перешел на сторону Советской власти, отличился на гражданской, о чем красноречиво свидетельствовали хранящиеся в шкатулке бумаги, скрепленные подписями Ворошилова и Буденного. Про эти документы Лялька знала, сколько себя помнила.. Из одинадцатый кавалерийский полк расположился на углу улицы Войнова и Красной Конницы, там они и жили, и Лялька обожала, когда, скрипя портупеей, появившаяся широрами, отец вел ее на плац, сильными руками поддерживая на спину спокойной рыжей кобылицы Фондамги — так уже с пяти лет, нашей героине посчастливилось постигать азы верховой езды.. Фондангу юная наездница богохвала. Поэтому, когда семья переехала на Фонтанку, в дом по соседству с Аничковым дворцом, Лялька казалось, что текущая под окнами речка наконец-то конечно же, в честь ее любимицы...

А еще в доме был куорт Пушкин. И нередко длинными зимними вечерами читали они вслух «Евгения Онегина», и одноименную оперу в Мариинском несколько раз, и в Детское Село, где Лицей, тоже не однажды наведывались... Часто собирались у фортепиано: у отца — приятный баритон, а любимый романс — «Очи черные». Дети тоже подпевали, тоже перебирали клавиши, тоже осваивали французский — в общем, жили интересно. Но в тридцать четвертом, после первого декабря, когда убили Кирова, все пошло проком...

В ТОТ ВЕЧЕР она задержалась на дне рождения у самой близкой из школьных подруг — Лизы Мурзевой (между прочим, ведущей свой род от тех самых Мурзевых, декабристов) и, когда вернулась, квартиры не узнала: все вверх дном! Плача, мама пояснила, что был обыск и отца увезли...

Отец появился назавтра — лицо бледное, какое-то опрокинутое, всегда безуказиценно прямая спина, разом согнулась — и сказал, что, как бывшие двоюродные, они приговорены к ссылке на пять лет в Северо-Казахстанскую область. «Какая ссылка! — заплакала мама. — У тебя же благодарности от товарища Ворошилова и товарища Буденного; у нас же дети...» Дрожащими руками достав из шкатулки заветные документы, она лихорадочно потянула Ляльку на улицу и, пока семенили по Невскому, по Литейному, все повторяла: «Они ошиблись, они передумают...» Но в большом скромном доме на Литейном, около которого стояла длинная безмолвная очередь, не передумали...

В вагоне была теснотища; на каждый полок — по три человека. Потом — в кузове грузовика, несколько суток по морозной казахстанской степи. Погреются у костра — и снова в дорогу. В той дороге отец сошел с ума — всхлипал, громко комоновал кавалерийским полком: «Марш, марш вперед! Берешь коней!» В общем, когда добрались до места, это был уже полный калека, которому после каждой недели предстояло плестись на отметку...

Конечно, взрослая в том глухом селе приходилось трудно. Дети же — ничего, освоились быстро и уже скоро в школе на уроках вовсю объяснялись по-казахски. Лялька вообще блестела: например, к стольтии со дня гибели любимого Александра Сергеевича сделала для местных жителей потрясающий доклад, а в самодеятельном спектакле по пушкинским «Цыганам» так лихо исполнила роль Земфиры, так зажигательно там плясала, с таким трагизмом пела — «Старый муж, грозный муж...», что директор школы Выродов и другие зрители даже прослезились: «Ох, артистка!»

А мама каждый вечер, возвращавшись из своей конторы «Заготскот», садилась за очередное письмо — к Сталину, к Ворошилову, к Буденному...

Вернувшись им позволили в тридцать восемь, однако пять самых крупных городов для дальнейшего проживания исключались. Так оказались на Новгородчине, в Сольцах. Уже без отца...

Она
шла
к нему
через
ссылкуОн
шел
к ней
через
Соловки

Спустя год Ляля нелегально пробралась на невские берега. Бывшие соседи выделили ей угол. Ни на какую работу из ссылки не брали, в институт тоже. Неожиданно повезло в физкультурном техникуме, даже с общежитием там подфартило. Занималась гимнастикой, плавала, сдала нормы ГТО. Чтобы не умереть с голода, позировала дипломникам Академии художеств: на картине «Встреча Чкалова на аэродроме» она была «девушкой с цветами», на другой — «Встреча Кирова с рыбаками на озере Ильмень» — рыбачкой.

Но однажды перестала различать эти холсты, да и вообще все вокруг. Мир разом померк. Профессор Долганов обнял ее за плечи: «Мужайся, девочка, твои глаза умерли...»

ПЕРВАЯ БЛОКАДНАЯ зима. Голод. А если еще — без глаз? Она вынесла и это...

Эвакуация. Куменский район Кировской области. Сама напросилась на лесозаготовки. Когда впервые пришла на деревню, поглядывала с языком:

— Не беда, что не видишь. Дергай пылу, а когда услышишь, что дерево начало трещать и команда: «Беги!», не теряйся — я тебя оттащу. Только ручку пылы не отпускай!»

Задание, между прочим, выполняла на триста процентов. О Людмиле рассказала «Кировская правда», после чего представитель облисполкома прямо на демянке торжественно вручил ей

тулуп и валенки. Он же, узнав о недуге, предложил стахановцев обследоваться в клинике Военно-медицинской академии, эвакуированной в эти края.

Вспеплю шла до города восемьдесят километров. Однако после шаттерного осмотра профессор Триумфов вздохнул:

— Увы, атрофия зрительного нерва лечение не подлежит... Но мы дадим вам путевку в жизнь — получите среднее медицинское образование и очень необходимую людям специальность массажиста. Кстати, нам таких специалистов сейчас крайне не хватает...

ТАК И ВЫШЛО. О ее неутомимых чудо-руках раненые слагали стихи: «Руки девичьи лечат увечья...» Потом это продолжилось в ленинградском эвакогоспитале № 2009... Такой лично у нее был фронт, такая Великая Отечественная, и медаль «За победу над Германией» засветилась на девичьем пальце по праву...

Но война не оставила Людмилу и после Дня Победы. Вроде бы все помаленьку налаживалось: она вернулась на работу в родную академию, получила семиметровую комнату, вышла из эвакуации к себе маму, и вот обе нетерпеливо ждали из армии Юра, сына и брата,шедшего на фронт в сорок первом добровольцем и теперь находившегося в ссылке.

— «СЛОН», потом — «Соловецкие острова»...

Среди постоянных авторов «Соловецких островов» — Александр Македонский.

Гимнастки, разорванную шинель, сапоги, и все это — в запекшейся крови. Приложенный к посылке документ бесстрастно сообщал, что старший лейтенант Юрий Гальчинский в дороге следования, на станции Клепарово, стал жертвой убийц-бандеровцев...

Пережить этот ужас мама не смогла... А Людмила? Как выстояла она? Где нашла те силы, что не пустили в петлю? Сама не знает...

ОБСЛЕДОВАВ ее глаза, знаменитый профессор Филатов в Одессе тоже признался, что никаких радикальных перемен обещать, увы, не может... На сердце было очень тоскливо и, чтобы хоть немного отвлечься от грустных дум, отправилась в клуб, на выступление какого-то поэта с Алтая, как и все тут — пациента филатовского института. К началу опоздала и, когда вошла в зал, услышала негромкий голос:

«Каждый раз, когда над морем вечер
Опускает сиреневую тень,
На опушку леса, мне навстречу,
Выходит задумчивый олень...»

Почему-то перехватило дыхание, и она замерла у дверей, напряженно вслушиваясь в этот голос, в эту историю...

Он смотрел в лицо мое худое
Парой черных, как маслины, глаз.
Облаха спокойной чередой
Проплывали тихо мимо нас...

Неведомый человек продолжал рассказ:

Олененок был со мною женен.
Целовал шерстяным языком,
Я норими его за это свежим,
Арханым припрятанным куском.
«Кушай, кушай, — говорил я, гладя
Северного друга по спине,
Хорошо, что мы с тобою ладим,
Что доводны дружью вполне...»

«Какой добрый человек, — подумала Людмила, — какой славный...»

И ей стало очень грустно оттого, что к концу лета олененок на той опушке появлялся все реже и реже...

А когда непрошенная осень
Серый полог синуя на лес,
Он совсем ходил и избушке бросил,
Навсегда за щели исчез...»

Потом были другие хорошие стихи, но ей в душе особенно запали имена эти, и, когда все кончились, подошла к автору и улыбнулась:

— Спасибо за олененка...

— Вам понравилось? — почти шепотом спросил он. — Если так, то мне это очень дорого, ведь стихи написаны на Соловках...

В ТОТ ВЕЧЕР долго бродили над морем, рассказывая друг другу о себе. Его вполне распространенное имя в сочетании с довольно-таки редкой фамилией звучало потрясающе: Александр Македонский!

Что она узнала? Жили в Кургане, отец работал на железной дороге, десантником. Гражданскую войну Саша встретил гимназистом. Доброволец Красной Армии, он стал бойцом 1-го полка Северных Красных орлов, который в составе 57-й дивизии действовал против Колчака. Однажды, борясь с десантниками труда, а также с бандитизмом (в составе добровольческого кавалерийского отряда), в кавалерийском полку заведовал библиотечным и школьным делом... И вдруг — Соловки!

Она слушала и до зриимой яви уже представляла этот остров посреди ледяного моря и на нем — по времени самый первый в стране. Октябрь концентрационный лагерь... Встречая очедную партию зеков, охранник вместе с раздаваемыми неправо и налево, «про запас», оплеухами смачно приговаривал: «Здесь власть Соловецкая!»

Корнилий гнилой треской. Привязывали к спине узника бревно и ссыпали с крутой, длинной лестницы — ее подожгли дотла. Только за одну ночь там, на Секирной горе, расстреляли триста заключенных...

Так вот каков этот ад СЛОН — Соловецкого лагеря особого назначения... Ведь именно отсюда пошел весь, будь он трижды проклят, «архипелаг ГУЛАГ»... И ежемесячный журнал, что здесь издавался, сначала назывался тоже — «СЛОН», потом — «Соловецкие острова»...

Среди постоянных авторов «Соловецких островов» — Александр Македонский.

По траве, чуть ветрами принятой,
Кандык куст обнимая и пень,
В золотой опояске заната
Уходил добройнейший день...

Стихи в основном — пейзажные, лирические. Впрочем, какие еще могли опубликовать на тех лагерных страницах? Это потом, после восьми лет заточения, обрести наконец признанную свободу, разрушив здоровье, до дна испив горячую чашу и сполна разбравшись в том, что есть сталинщина, он будет ладить перо для совсем других строк. Вот, например, страничка из его дневника, помеченная ноябрем 1942-го:

«...Из года в год, из месяца в месяц, из дня в день тиран хладнокровно, с расчетом, по плану душил подневольный народ, разоряя, уголяя в далекие ссылки, мучил в застенках, обрекая миллионы на голод, нищету, смерть. Страна покрылась густой сетью лагерей. В непроходимом таежном чащце, на небольших просторах безжизненной тундры, среди вечных льдов, в безводных, горячих песках — везде и всюду в неспособном рабском труде, под бездушным режимом гибнут неисчислимые мужчины русской земли...»

Многие ли решались тогда на подобные слова, даже в личном дневнике? Узнай о них кто-либо из стукачей — не так уж трудно представить, что за кровавая кара ждала строптивого писателя...

Ныне — курганский писатель, а то

нокомнатную квартиру на улице Бабушкина, первым делом осуществили эту месть: ведь оба с детства играли на фортепиано, оба любили петь... Много путешествовали: то — к Пушкину, в Михайловское, то — к Лермонтову, в Тарханы, то — к Толстому, в Ясную Поляну... Ну а в выходной — просто за город. И потом в газете появлялись стихи:

Час с небольшим сзади
на электричке —
И я в густой зеленой тишине,
И разом городские все привычки
Становятся совсем чужими мне...

Я знаю: лес не мне неравнодушен;
И я ему взаимностью плачу:
Он для меня, как тысяча отдуши,
Подобен родниковому ключу!
Здесь впитываю радость бытия,
И даже мысль о незабытом тленье
Всепринимаю с оптимизмом л...

Но все равно Соловки и все, что было тогда, его не отпускало. Несколько раз пытался поехать с ней на этот печально памятный остров в Белом море, чтобы найти хотя бы остатки своего барака, подняться на Секирную гору, помочь над безымянной могилой друзей-товарищей... Но осуществить подобное в ту пору было нереально...

Да и вообще на дворе после такого недолгого Двадцатого партсъезда, позже наступали суровые времена... И опять тяжело склонялся он над листом бумаги:

Снова суд — за откровение,
Снова лагерь и тюрьма,
Стало модным водворение
С ужасающих дом...

И еще:
Твердили и твердили до тошноты,
Стараясь вбить в мозги, как можно
Бессовестную ложь о том, что ты
Живешь свободно, не сгибая плеч...

И еще:
И думы по Родине бродят,
Все чаще стучатся в сердца,
И медленно зреет в народе
Сознание и воля борца...

Увы, до апреля восемьдесят пятого
было очень далеко...

К ЕЕ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ он написал:

...И ничего, что волос стал седым,
Что на лице — осенняя усталость,
Будь счастлива сознанием одним,
Что исцелять людскую боль

досталось...
В самом деле: сколько тысячам она облегчила страдания и ее руки ходят легендами... Среди тех, кто оставил восторженные отзывы, — Черкасов, Шостакович, Мравинский... И муха, как могла, оберегала. Но жестокая болезнь, начавшаяся которой — там, на Соловках, оказалась сильнее...

На камне над могилой Александра Елизаровича Македонского — его стихи:

Здесь вечно в дремоте поникают травы,
Цветы не нужны никому.
Здесь все — нищета, и богатство,
Когда пришли одному...

НА ПЕНСИЮ Людмила Михайловна вышла гораздо позже положенного срока. Но людям очень нужны руки, и ни одному страждущему она по-прежнему не отказывает...

И снова спешит на все городские экс